
А. В. РАЗИН

ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*

В статье рассматриваются вопросы исторического творчества, роли личности в истории. Анализируются различные сценарии развития человечества: либеральный, цивилизационный, марксистский, мир-системный анализ И. Валлерстайна. Показано, что реальные альтернативы в развитии общества возникают тогда, когда общественная система проходит точку бифуркации. Тем не менее не все альтернативы оказываются приемлемыми, и уровень технического развития оказывает влияние на возможные варианты организации общества в социальном плане. В качестве возможного принципа организации нового общества предлагается принцип дополнительности, позволяющий соединить плановость и рынок как взаимопроницающие, но не ограничивающие друг друга начала.

Ключевые слова: история, альтернативы, мораль, ответственность, свобода, выбор, либерализм, цивилизация, творчество.

The article discusses the issues of historical creativity and role of individual in history. Various scenarios of the development of mankind are analyzed: liberal, civilizational, Marxist, and the World-System analysis by I. Wallerstein. It is shown that real alternatives in the development of society arise when the social system passes the bifurcation point. Nevertheless, not all alternatives are acceptable, and the level of technological development influences possible options for organizing society in social terms. As a possible principle of organization of a new society, the principle of complementarity is proposed which allows combining planning and market as mutually penetrating, but not limiting, principles.

Keywords: history, alternatives, morality, responsibility, freedom, choice, liberalism, civilization, creativity.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-18-00421).

Прежде всего необходимо пояснить, в каком смысле понятие «альтернативы» может быть отнесено к истории, ведь когда мы говорим об истории, то имеем ввиду нечто уже совершившееся. Но все дело в том, что в истории были моменты, когда общество стояло перед реальными альтернативами, и анализ того, почему были приняты именно данные, получившее развитие возможности, имеет важное методологическое значение.

Развивая настоящую тему, я хочу рассмотреть ряд следующих вопросов.

– Гомогенно ли современное общество и одинаково ли разные страны и народы видят его перспективы? Это связано также с пониманием исторической ответственности данных стран и их лидеров за тот путь, который они предлагают человечеству, за те корыстные цели, которые могут помешать действительно перспективному пути развития человечества.

– Какие сценарии будущего можно рассматривать как теоретически обоснованные на данный момент?

– Находится ли современное общество в системном кризисе?

– Оптимистичен лишь хоть один сценарий предполагаемого будущего?

– Совместима ли современная информационная и технологическая революция с современной формой социальной организации общества?

– Насколько на выбор сценария будущего могут повлиять случайные факторы?

– Какова роль личности в истории? Могут ли решения отдельного человека реально повлиять на историческое развитие общества или же в истории все равно проявит себя какой-то общий знаменатель, выравнивающий отдельные колебания? Эта позиция находит отражение в марксистской идее о развитии общества как естественно-историческом процессе.

В самом общем плане можно сказать, что вопрос об альтернативах в развитии общества связан с оценкой перспектив развития технологий, ресурсами, поиском новых источников энергии, вариантами социальной организации общества, которые сами по себе имеют определенные исторические основания, но в то же время содержат и элемент произвольности, выражение воли тех или иных

политических сил, партий, лидеров. Их решения могут возобладать и быть поддержаны в течение длительных исторических периодов; они также неизбежно скажутся на будущем, даже если будут отвергнуты исторической практикой. Поэтому марксистская идея развития общества как естественно-исторического процесса должна быть подкорректирована в плане признания того факта, что реализация одних возможностей закрывает реализацию других и это может превращать исторический процесс в своеобразную зигзагообразную линию, а это несовместимо с линейной интерпретацией истории (что следует из ее рассмотрения истории по типу реализации естественных законов).

Мы начнем эту статью с анализа одного примечательного исторического факта, а именно Кронштадтского мятежа. В марте 2021 г. исполняется 100 лет со дня этого события. Примечательно, что это было событие в истории России, когда история действительно могла пойти другим путем, а также что люди, вставшие во главе восстания, по существу, оказались вовлечены в цепь исторических событий случайно. Возглавивший мятеж генерал-майор А. Н. Козловский пришел к этому не по своей воле. Он узнал из прессы, что большевики уже объявили его главарем восставших, и для спасения собственной семьи ничего не оставалось, кроме как возглавить мятеж и попытаться победить.

Сказанное позволяет говорить о том, что личность часто действует в непредвиденных обстоятельствах и вступает на историческую арену, подчас подчиняясь историческим событиям, а не формируя их.

Рассматривая проблему роли личности в истории, Л. Е. Гринин анализирует современные теории, которые можно назвать многофакторными, и отмечает: «В современной общественной науке выработано и специальное понятие, которое объединяет воздействие всех типичных причин, – **“фактор ситуации”**. Он складывается: а) из особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей исторического времени; д) из того, происходили ли события в центре мировой системы или на ее пе-

риферии (первое увеличивает, а второе уменьшает влияние определенных личностей на другие общества и исторический процесс в целом); е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей.

Чем больше из указанных пунктов благоприятствует личности, тем важнее может быть ее роль» [Гринин 2011: 189]. Автор отмечает, что в разных исторических обстоятельствах проявляют себя разные типы личности и по-разному выражается их роль. В частности, роль личности возрастает при трансформациях общества, а в стабильном обществе она не очень высока [Там же: 191].

Я думаю, можно сказать, что конструктивная роль личности более всего проявляет себя тогда, когда возникает новое общество. Когда общество находится в кризисе, возникают реформистские идеи, но они не обязательно воплощаются в новом обществе, а могут просто вести к разрушению старого. Хорошим примером этого является горбачевская перестройка. Реформы М. С. Горбачева способствовали развитию демократического процесса, но его позитивная программа в силу ряда причин объективного и субъективного характера оказалась неэффективной.

Среди видимых в настоящее время сценариев развития общества наиболее явно противостоят друг другу цивилизационный сценарий, предложенный С. Хантингтоном, и сценарий развития человечества по единому западному образцу, который отстаивает Ф. Фукуяма.

Сэмюэль Хантингтон считает, что различные страны будут развиваться экономически в сторону создания современного производства, основанного принципиально на одних и тех же технологиях, но сохранят при этом свою культурную самобытность и будут объединены по цивилизационному признаку, который он в основном связывает с религией. Это будет означать усиление дальнейшего конфликтного развития человечества.

«Наивной глупостью, – отмечает С. Хантингтон, – является мысль о том, что крах советского коммунизма означает окончательную победу Запада во всем мире, победу, в результате которой мусульмане, китайцы, индийцы и другие народы ринутся в объятия западного либерализма как единственной альтернативы» [Хантингтон 2006: 89–90].

Исследователь полагает, что, развив технологии по западному образцу, многие азиатские государства вернулись к национальным ценностям. Они почувствовали свою мощь и даже поняли, что именно их традиционные ценности, например, японский вариант конфуцианства, обеспечили им опережающее экономическое развитие.

Сама по себе техническая модернизация по западному образцу создает для незападных цивилизаций проблемы в их развитии, но эти проблемы, с точки зрения С. Хантингтона, не являются фатальными и не могут привести к гибели цивилизаций. Трансформация традиционных ценностей, необходимая для модернизации, может быть относительной и временной.

«...Во время ранних этапов изменений вестернизация поддерживает модернизацию. На более поздних этапах модернизация стимулирует возрождение местной культуры. Это происходит на двух уровнях. На социальном уровне модернизация усиливает экономическую, военную и политическую мощь общества в целом и заставляет людей этого общества поверить в свою культуру и утвердиться в культурном плане. На индивидуальном уровне модернизация порождает ощущение отчужденности и распада, потому что разрывает традиционные связи и социальные отношения, что ведет к кризису идентичности, а решение этих проблем дает религия» [Хантингтон 2006: 106].

Если же лидеры продолжают курс на вестернизацию, они, с точки зрения С. Хантингтона, получают так называемую разорванную страну: «Политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально переключить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут вечно подавлять или навсегда удалить основные элементы своей местной культуры. И наоборот, если западный вирус проник в другое общество, его очень трудно убить. Вирус живучий, но не смертельный: пациент выживает, но полностью не излечивается. Политические лидеры могут творить историю, но не могут избежать истории. Они порождают разорванные страны, но не могут сотворить западные страны. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» [Там же: 237].

Ф. Фукуяма, высказываясь за исторический сценарий приближения всех стран к развитию по западному образцу, говорит, что демократическим преобразованиям в обществе в основном предшествовало стремление к реформированию общества среди самих правящих элит. «Если не считать режима Сомосы в Никарагуа, не было ни одного случая, когда старый режим был бы отстранен от власти вооруженным мятежом или революцией. Перемена режима становилась возможной из-за *добровольного* решения по крайней мере части деятелей старого режима передать власть демократически избранному правительству. Хотя это добровольное отречение от власти всегда провоцировалось каким-то непосредственным кризисом, в конечном счете оно становилось возможным из-за набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти – демократия» [Фукуяма 2007: 56].

С точки зрения Ф. Фукуямы, два фактора определяют единый путь развития человечества. Во-первых, человечество приходит к единообразию, обусловленному техническим развитием, влиянием науки. Но этого еще недостаточно для возникновения единых форм организации общества. Высокое техническое развитие возможно и в недемократическом обществе.

Во-вторых, фактором, обуславливающим движение к единообразию, является желание человека получить признание. «По Гегелю, желание человека получить признание своего достоинства с самого начала истории вело его в кровавые смертельные битвы за престиж» [Там же: 16]. Но сами способы утверждения достоинства меняются. Это и приводит к либеральной демократии, которая «заменяет иррациональное желание быть признанным выше других рациональным желанием быть признанным равным другим» [Там же: 21]. В результате человек получает возможность утверждать свое достоинство, не подвергая собственную жизнь опасности. «Успех демократии в самых разных местах и среди многих разных народов заставляет предположить, что принципы свободы и равенства, на которых демократия строится, не случайность и не результат этнических предрассудков, но фактические открытия относительно природы человека как человека, истинность не убывает, но становится тем очевиднее, чем космополитичнее точка зрения наблюдателя» [Там же: 96].

Но вернемся к нашему примеру с Кронштадским мятежом. Он, как известно, был подавлен. Но допустим, у восставших была бы какая-то перспектива. Они начали бы наступление на Петроград (как предлагал А. Н. Козловский), к ним примкнули бы матросы и рабочие города. История пошла бы тогда по-другому. Но надолго ли? С точки зрения тех событий, которые произошли в начале 1990-х гг., эта альтернативная история, если бы она была связана с социалистической идеей, все равно закончилась бы тем же самым. То же можно сказать и о сталинской идее построения социализма в отдельно взятой стране, о событиях в Чили, о рухнувшей социалистической ориентации многих африканских стран. Но означает ли это, что история все приводит к общему знаменателю, что реальных исторических альтернатив в ней просто нет?

Думаю, что однозначно ответить на данный вопрос все же нельзя. В современном мире есть страны, которые выбирают собственный путь развития. Это прежде всего Китай, Япония, Южная Корея, Россия. При всех различиях в этих странах сильно влияние государства на экономику, и это происходит не просто за счет высокой доли государственной собственности, как, скажем во Франции, а за счет продуманной научно-технической политики.

И позиция С. Хантингтона, и позиция Ф. Фукуямы могут быть подвергнуты критике с точки зрения еще одного оригинального сценария развития человечества, предложенного в мир-системном анализе И. Валлерстайна.

С его точки зрения, капитализм начиная с XV в. приобрел такую устойчивость и такие определенные тенденции развития, которые уже не могли быть изменены или разрушены за счет каких-то внешних факторов. Но особенностью развития этой новой мир-системы стали напряженные отношения между центром и периферией. Кризисы развития разрешались за счет того, что в сферу влияния системы постепенно втягивались новые периферийные зоны, где была дешевая рабочая сила, что позволяло эффективно осуществлять производство с минимальными затратами. Но периферийных зон постепенно становится все меньше и меньше. Это подводит человечество к некой пороговой черте, за которой оно вынуждено будет принять какие-то новые альтернативы развития.

Отсюда ясно, что ни о каком конце истории в смысле завершенной организационной формы для всего человечества, тем более

такой, которая была бы однозначно связана с либеральной демократией и капитализмом, речи быть не может.

И. Валлерстайн пытается объяснить спады и подъемы в развитии капиталистической экономики циклическими процессами. В принципе его теория похожа на объяснения К. Маркса. Но у него к факторам, проявляющим себя внутри отдельной страны, добавляются факторы, проявляющие себя в мировом масштабе. Более того, именно последние являются решающими для определения капитализма. Суть капитализма как экономической мировой системы (мир-экономики) заключается, следовательно, в особых отношениях центра и периферии. Между ядром развитых стран и периферией создаются промежуточные звенья. Все это требует также особых культурных ценностей, в которых создается иллюзия легитимности власти. С созданием такой иллюзии долгое время справлялся либерализм. Две другие идеологии – консерватизм и социализм, – по мнению Валлерстайна, эволюционировали в сторону либерализма. Действительно, современный консерватизм подчас трудно отличить от неолиберализма: то же подтверждение значимости свободного рынка, свободы передвижения капиталов, товаров, услуг и людей; признание значимости изменений, если они помогают предотвратить еще худшие трансформации общества. Что же касается социалистической идеологии, то в ней тоже возросло признание общечеловеческих ценностей, борьбы за мир, предпринимались явные попытки наладить диалог с другими идеологиями.

Но современный либерализм, по мнению И. Валлерстайна, уже не выполняет тех идеологических функций, на которые он претендует. Дело в том, что система мир-экономики по мере ее развития подвержена все большим колебаниям и требуются все большие усилия людей для приведения ее в равновесное состояние. Связано это с постепенным исчезновением периферии. В результате мировая капиталистическая система приближается к точке своей бифуркации. Это усложняет то, что можно назвать процессом исторического творчества людей, но одновременно открывает и новые возможности. «Системный кризис можно описать как ситуацию, в которой система достигла точки бифуркации или первой из следующих друг за другом подобных точек. Когда системы сильно удаляются от

точек равновесия, они достигают точек бифуркации, в которых становятся возможными многочисленные (в противоположность единственному) решения проблемы неустойчивости. В этой точке система обладает тем, что можно назвать выбором возможностей. Этот выбор зависит как от истории системы, так и от непосредственной силы элементов, внешних по отношению к внутренней логике системы. Эти внешние элементы суть то, что мы с точки зрения системы называем “шумом”. Когда системы функционируют нормально, “шум” игнорируется. Однако в далеких от равновесия ситуациях роль случайных вариаций в “шуме” существенно возрастает из-за значительного уменьшения равновесия. Вследствие этого система, действующая теперь хаотически, будет совершенно радикально реконструироваться теми способами, которые, будучи внутренне непредсказуемы, ведут тем не менее к новым формам порядка. В таких условиях могут быть и обычно бывают не одна, а каскад бифуркаций, пока не установится новая система, т. е. новая структура долгосрочного относительного равновесия, и пока мы опять не окажемся в ситуации детерминистской стабильности. Новая возникшая система, вероятно, является более сложной; в любом случае, она отлична от старой системы» [Валлерстайн 2008: 170].

Свобода исторического творчества проявляет себя более всего именно в те моменты, когда система подходит к точке бифуркации. Здесь и появляются реальные исторические альтернативы, связанные с поиском нового системообразующего принципа.

Опыт развития социалистической системы, по большому счету, можно отнести к тем историческим колебаниям, о возрастании которых говорит И. Валлерстайн. К ним же можно отнести и особенности современной международной политики, в которой нравственные факторы оказывают на развитие событий все меньшее влияние. Они действуют на уровне политической ответственности исторического деятеля внутри своих государств, но на международной арене в настоящее время имеет место полный произвол. Для дискредитации политики отдельных стран вбрасываются фейки, принимаются произвольные решения о начале ведения военных действий, в том числе – не просто с другими государствами, а на территории суверенных государств ради поддержки определенных

политических сил, произвольно вводятся экономические санкции. Методы гибридной войны предполагают точечные убийства политических деятелей, уничтожение мирного населения, развязывание этнических конфликтов, подрыв экономики государств, то есть все то, что традиционно осуждалось моралью в качестве недопустимых средств ведения военных действий.

И даже прогрессивные политические деятели оказываются связанными в своих политических решениях теми процессами глобализации, которые развиваются в современном обществе под воздействием правящих элит.

Анализируя глобальные процессы, развивающиеся в современном мире, А. А. Зиновьев полагает, что развитие Советского Союза и развитие западного мира представляли собой два пути к возникновению «сверхобщества». Соответственно, после краха социалистической системы остался один путь.

Переход к сверхобществу означает новую стадию общественного развития, новую стадию в развитии западной цивилизации. Этот процесс сопровождается новыми возможностями в организации производства, в частности – значительной интенсификацией производства материальных благ, однако включает в себе определенные опасности, новые проявления социального неравенства, сворачивание демократического процесса. А. А. Зиновьев, в частности, отмечает, что демократические процедуры составляют лишь незначительную часть современной государственности. Решающую роль играет чиновничье-административный аппарат, система исполнительной власти, которая сама может быть дифференцирована по различным уровням. Эта власть, принадлежащая первым лицам государства, выросла за пределы функций традиционного государственного управления и приобрела новые задачи стратегического управления. Тем самым она фактически перестала быть исполнительной.

Как считает А. А. Зиновьев, в современных государствах сложилась так называемая кухня власти, решения принимаются при личных контактах высших государственных лиц, власть которых давно вышла за пределы исполнительских функций и приобрела стратегический характер. Понятно, что на политические решения оказывают влияние носители частных интересов (бизнес-элиты),

лоббисты, мафиозные группы, личные друзья. Международные монополии, бюджеты которых превосходят бюджеты многих стран, стали новой политической реальностью. Современный политик не может не считаться с этим.

Данный процесс таит в себе много опасностей, так как решения становятся во многом бесконтрольными, произвольными, в них зачастую выражаются корыстные интересы отдельных социальных групп. Авторитет же и действенность международных организаций снижаются, как, например, очевидно снижался в последние годы авторитет ООН. По мере того как разрастаются государственные структуры, по мере того как сокращается демократический процесс и растет чиновничье-административный аппарат государства, казалось бы, отвергнутые историей личные связи снова возвращаются на историческую арену. Но, конечно, уже в другом варианте: в виде личных контактов политиков, бизнесменов, военачальников, директоров спецслужб, высокооплачиваемых работников прессы, лоббистов, составляющих элиту современного западного общества.

Сверхвласть проявила себя в сфере экономики в связи с развитием международных монополий и сращиванием государственного аппарата со структурами крупного бизнеса. «Сфера сверхгосударственности, – отмечает А. А. Зиновьев, – не содержит в себе ни крупницы демократической власти» [Зиновьев 2002: 236].

Кухня власти означает возвышение роли правящих элит государств золотого меридиана и в то же время ослабление суверенитета самих этих государств, не говоря уже о суверенитете всех остальных. В данной связи можно также сослаться на утверждение З. Баумана: «Слабые государства – это именно то, в чем новый мировой порядок (подозрительно похожий на новый мировой беспорядок) нуждается для своего поддержания и воспроизведения. Слабые государства легко могут быть низведены до полезной роли местных полицейских участков, обеспечивающих тот минимальный порядок, который необходим бизнесу, но при этом не порождающих опасений, что они могут стать эффективным препятствием на пути свободы глобальных компаний» [Бауман 2002: 107].

Конечно, политические лидеры защищают суверенитет своих стран. Но даже политик, всецело преданный национальным интересам своей страны, не может не учитывать факт существования

глобальных бизнес-структур. Скажем, будучи заинтересован в инвестициях в экономику собственной страны, он просто вынужден считаться с мнением представителей крупного бизнеса и тех политических структур, которые поддерживают этот бизнес на глобальном уровне.

При этом выявляются значительные различия в установках элиты обществ и широкой публики. На уровне элит проявляют себя малтикультуризм и стремление к неофициальным договоренностям, на уровне масс – разделение и национальная идея. С. Хантингтон соглашается с Дж. Ситрином в том, что «элиты подвержены малтикультуризму, а упрямая публика поддерживает ассимиляцию и общую национальную идентичность». Эта пропасть во взглядах между элитами и широкой общественностью самым драматическим образом сказывается на американской внешней политике [Хантингтон 2008: 510].

Но элита не просто малтикультурна, наднациональна в собственных взглядах, в своем отношении к массам она оказывается заинтересованной во всякого рода национальных конфликтах. Это приводит к тому, что, так сказать, выпускается пар, злость людей получает свой выход и они отвлекаются от задач радикального преобразования общества. Кроме того, это сеет хаос, разделяет мир, а таким миром всегда легче управлять.

Итак, сценарии развития человечества, предложенные С. Хантингтоном, Ф. Фукуямой, И. Валлерстайном и А. А. Зиновьевым, а также анализ современного общества, проведенный З. Бауманом, позволяют много сказать о современном процессе глобализации. В целом можно отметить, что роль личности возрастает в смысле оперативного процесса управления, ответа на постоянно встающие перед человечеством исторические вызовы. Но человечество разделено, и на исторические вызовы отвечают не только политические лидеры развитых стран и представители бизнес-элиты. В поиск исторических альтернатив оказываются вовлечены и все остальные страны. Это приводит ко многим направлениям противостояния, прежде всего в области политики нераспространения ядерного оружия и желания многих стран обладать им ради защиты своего национального суверенитета. Исторические битвы также разгораются между странами, которые Ф. Фукуяма называет пост-

историческими (они обладают технологиями) и историческими (они обладают ресурсами). Понятно, что для того, чтобы увеличивать экспорт ресурсов, надо также обладать технологиями, которые не всегда есть, но их можно купить у постисторических стран. Отсюда противостояние, связанное с попытками дороже продать ресурсы или технологии.

Чаще всего страны, обладающие ресурсами, по-иному видят пути развития человечества, чем страны, обладающие технологиями, что связано с особенностями их культурного развития, и здесь цивилизационный сценарий никак нельзя исключить.

С. Хантингтон предрекает упадок или, по крайней мере, ослабление западной цивилизации. Он приводит следующую статистику.

«Пик западного контроля над ресурсами пришелся на 1920-е годы и с тех пор нерегулярно, но значительно снижается. В 2020-х годах, через сто лет после пика, Запад скорее всего будет контролировать около 24 % мировой территории (вместо 49 % во время пика), 10 % населения мира (вместо 48 %) и, пожалуй, около 15–20 % мирового экономического продукта (во время пика – около 70 %), возможно, 25 % выпуска продукции обрабатывающей промышленности (на пике – 84 %) и менее 10 % от всеобщего количества военнослужащих (было 45 %)» [Хантингтон 2006: 129].

Хантингтон полагает, что в будущем роль ведущей промышленной державы перейдет к Китаю, ведь тот когда-то был страной, в которой было сосредоточено 80 % мирового промышленного производства. Этот прогноз, собственно, уже оправдывается.

Есть страны, не обладающие ресурсами, но также демонстрирующие свою культурно-цивилизационную самобытность. Это ряд азиатских государств, включая Японию. В данных странах государство оказывает сильное влияние на развитие экономики. Сильно влияние на интенсификацию развития и культурных традиций. В Японии, например, это японский вариант конфуцианства, требующий жесткого подчинения. В Китае – свой вариант конфуцианства, который основан на понимании необходимости подчинения. Он также оказывает влияние на развитие экономики и, наверное, даже больше отражает тенденции развития современного общества, в котором возрастает значение экономических факторов, связанных с творческим трудом.

Однако, создавая прогнозы о возможном упадке Запада в будущем, говоря о преимуществах азиатских моделей развития, следует быть очень осторожным. Необходимо учесть, что азиатские государства демонстрируют рост в связи с факторами, действующими на данном этапе развития.

Анализируя эту проблему, Ф. Фукуяма использует термин «империя почитания» как возможный вариант прогноза развития азиатских государств. Он говорит, что политическая власть в Азии основана на признании статуса групп и принадлежащих к ним личностей (личные достоинства отходят на второй план) [Фукуяма 2007: 362]. В этом смысле демократия оказывается формальной.

«Империя почитания» может стать альтернативой современной либеральной демократии и даже на какое-то время продемонстрировать свою эффективность в экономике, но этот фактор не может действовать постоянно. «Империя почитания... может породить беспрецедентное процветание, но она означает и продленное детство для большинства граждан, а потому – неполное удовлетворение тимоса» [Там же: 370]. Это означает, что в империи подобного типа не обеспечиваются все условия для подлинного утверждения личного достоинства. В Японии, например, является типичным, что карьерный рост людей, работающих в одной фирме, в основном совпадает с их возрастными параметрами. Конечно, это не снижает интенсивности их работы, что определяется традиционными стимулами, но есть ли здесь действительные условия для выявления индивидуальных различий, для действия творческих стимулов труда?

Русский философ Л. Н. Гумилев использовал термин «пассионарность», полагая, что она больше в начале развития каждой нации, но постепенно последовательно уменьшается. Гумилев не указывает, чем это обусловлено, но понять такое движение вполне можно. Вначале происходит объединение вокруг идей какого-то лидера, но постепенно факторы, связанные с развитием индивидуальности, способности к рефлексии, ставят идеи лидера и его подражателей под сомнение. Развиваются потребности людей, происходит рост индивидуального самосознания, это и означает, что детство проходит. Уменьшение пассионарности неизбежно сопровождается разочарованием, дезориентацией и, как следствие, вызывает

снижение роли традиционных стимулов экономической и политической активности. На их месте, конечно, появляются другие стимулы, но их реализация уже не связывается с авторитетом каких-то сообществ, патриотизмом, почитанием, религиозными идеями. Таким образом, то, что сейчас определяет рост азиатских государств, может в дальнейшем стать тормозом их развития в связи с тем, что новые ценности еще не сформированы, а старые будут подвергнуты сомнению.

Далее необходимо хотя бы кратко упомянуть еще одну проблему. Дело в том, что все описанные выше сценарии развития общества и связанные с ними исторические альтернативы касаются перспектив развития общества, обусловленных внешними по отношению к производственному процессу факторами. Они в малой степени учитывают те обстоятельства, которые связаны с развитием производительных сил. А изменения, связанные с возрастанием наукоемкости производства, процессом его автоматизации, влиянием на процесс развития искусственных интеллектуальных систем, здесь огромны. Это относится и к мир-системному анализу И. Валлерстайна, и к концепциям Ф. Фукуямы и С. Хантингтона. Конечно, все упомянутые авторы говорят о развитии человечества много интересного, но по большому счету это касается какой-то ограниченной во времени перспективы, хотя подчас они и заглядывают на несколько веков вперед.

Между тем в современном производстве проявляются такие тенденции, которые могут привести к радикальной трансформации общества уже в не столь отдаленном будущем.

В частности, модель, предложенная Валлерстайном, имеет тот недостаток, что в ней внешние связи рассматриваются как более существенные по сравнению с внутренними, то есть с тем, что можно сказать о новых технологиях производства, новых способах организации труда. Возможно, когда-то периферия человечества совсем исчезнет, но это, с нашей точки зрения, все равно не будет означать, что окончательная форма социальной организации достигнута.

С точки зрения внутренней логики развития производительных сил самым существенным изменением современного производства является то, что оно становится все более и более наукоемким. Эта

проблема была осмыслена К. Марксом в терминах возрастания роли всеобщего труда, который связан уже с производством не какой-то конкретной вещи, а знания, приложение которого к производству приводит к удешевлению стоимости продукции в масштабах всей отрасли.

Тогда, когда человек в качестве основного звена между собой и природой ставит природный процесс, преобразованный им в промышленный, «в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы...» [Маркс, Энгельс 1969: 213]. Всеобщая производительная сила и есть постоянное применение к материальному производству результатов производства духовного. Такое применение требует всестороннего развития каждого индивида и общественной собственности как формы применения результатов всеобщего труда в интересах всего общества, в целях оптимально быстрого достижения новых ступеней в развитии его целостности.

Нужно отметить, что капитал по большому счету совсем не всегда заинтересован в таком применении знания, тем более не заинтересован он в распространении новых технологий в масштабах всего человечества. К. Маркс говорил в данной связи о пределах развития капиталистического производства.

Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что капиталистическое производство давно переросло свои традиционные рыночные формы. В эпоху классического капитализма XVII–XIX вв. собственник средств производства фактически отвечал всем своим имуществом за принимаемые им бизнес-решения. Он мог полностью разориться, стать нищим и даже бездомным. В современном капитализме предприятиями управляют советы директоров, они принимают коллективные решения, пользуясь при этом уже достаточно хорошо разработанной наукой управления, но даже если какое-то предприятие разоряется, его высшее руководство все равно сохраняет свою собственность в виде престижных акций, государственных облигаций, недвижимости и т. д. То есть они фактически мало чем рискуют. С одной стороны, это выглядит гуманно, может рассматриваться как защита интересов собственника, но очевидно,

что это снижает традиционные стимулы развития капиталистической экономики.

Но если само управление бизнесом становится наукой и осуществляется коллективно, оно вполне может осуществляться и в интересах всего общества.

Однако вопрос о переходе собственности под контроль государства, или поддержка так называемой социализации капитала (увеличение числа акционеров или предприятий, в которых сами работники являются акционерами), не так прост, как кажется на первый взгляд. Радикальное изменение общества, вызванное процессами автоматизации и развитием новых информационных технологий, порождает три связанных с ним проблемы.

Первая – это проблема критерия оценки эффективности научных разработок и решения о необходимости их применения в системе общественного производства.

Вторая проблема касается выбора эффективных стимулов индивидуального труда в новых условиях, когда сам труд приобретает всеобщий интеллектуальный характер.

Третья связана с определением общей юридической и моральной ответственности в условиях всеобщего труда. Очевидно, что последствия неправильных решений в процессе всеобщего труда гораздо более опасны, чем ошибки конкретного труда.

К. Маркс решил эти проблемы путем их упрощения. Фактически он предполагал, что в условиях общественной собственности каждый будет работать на благо общества, исходя из того, что труд превратится в первую жизненную потребность, а любая новая научная идея рано или поздно принесет пользу общественной производительности. Этот идеал отражается в его идее о новом типе социальной связи как свободном общении гармонически развитых индивидов, которая сменяет отношения вещной зависимости, отвечающие капиталистическому способу производства. Стремление к преодолению в социальной жизни отчуждения, порождаемого общением через посредство вещей, конечно, выглядит привлекательно. Однако проблема стимулов труда, отвечающих новому типу социальной связи, определения форм ответственности за результаты труда, осталась совершенно неразработанной. В результате предполагаемое Марксом свободное общение индивидов приоб-

рело абстрактные черты. Свобода оказалась необходимой потому, что не было найдено никакого реального критерия для оценки эффективности всеобщего труда. Что же касается необходимой ответственности, то предполагалось, что она полностью может быть обеспечена одной моралью.

В целом можно отметить, что мораль имеет огромное значение в условиях всеобщего труда из-за невозможности прямого внешнего контроля над ним. Внешний контроль, несомненно, во многом не может быть применен в условиях современного производства. В России это было очевидно продемонстрировано полной неудачей введения государственного контроля за качеством продукции во время горбачевской перестройки (так называемая государственная приемка). Контрольные операции потребовали такого количества людей, освобожденных от непосредственных производственных функций, и такой затраты времени, что все это оказалось невозможным. Условия всеобщего труда порождают ситуацию, в которой при попытке внешнего контроля любой контролер, во-первых, должен иметь такую же квалификацию, как и реальный производитель, во-вторых – затратить принципиально такое же время, как и человек, подвергающийся контролю. Таким образом, это ситуация, в которой на каждого отдельного производителя необходимо иметь отдельного контролера, что делает внешний контроль невозможным.

По этой причине значение моральных факторов труда необычайно возрастает. Но для реального увеличения производительности труда одной морали недостаточно. Без объединения моральных мотивов с другими видами социальной мотивации сама мораль вполне может быть понята в виде одного ограничения, предстать просто как желание не причинять вреда другим, не использовать их как средство, что в действительности не содержит позитивной мотивации. Одно творческого вдохновения также недостаточно для стимуляции труда, так как сам творческий процесс содержит большое количество рутинных операций, что снижает интерес к творческой работе. Необходимо поэтому также иметь и обычные материальные стимулы.

После К. Маркса многие советские экономисты в различные периоды развития нашей страны пытались решить проблему оценки эффективности научных разработок. Были сделаны оригиналь-

ные предложения относительно искусственного расчета цен на новую продукцию. Но практически это не дало ожидаемого эффекта, потому что путь решения этой проблемы опирался на старую методологию. Например, было много предложений относительно распределения производственного эффекта между производителем и потребителем от внедрения какой-то новой техники в смысле их прибыли. Но не было разработано общей методики, касающейся определения реальной необходимости в производстве этой машины и возможностей общества для ее производства в данный исторический момент, то есть для оценки наличия свободных капиталов и определения сферы их наиболее эффективного приложения. Литовский экономист Б. Д. Бруцкус еще в 1920-е гг. указывал на данную проблему и оказался прав в своей критике социализма по этому поводу. Он, в частности, отмечает: «Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развивать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершенно правомерен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве капитала. К сожалению, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного капитала конкурируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно ли его направить именно на канатные фабрики, а не на заводы сельскохозяйственных орудий – это еще подлежит рассмотрению» [Бруцкус 1990: 184].

Общественная собственность действительно породила производительные расходы, привела к увлечению количественных показателей по выпуску продукции в ущерб качественным. В Советском Союзе широко практиковался метод планирования от достигнутого, при котором просто увеличивались задания по выпуску продукции, но не учитывались ни технические возможности этого, ни реальный спрос на такую продукцию. В систему производства проникали личные связи, что вообще является элементом феодализма, возникла диспропорция между производством и потребле-

нием, что снижало действенность стимулов труда, и этот список можно было бы легко продолжить.

И тем не менее значение общественной собственности нельзя полностью сбрасывать со счетов. Некоторые глобальные изменения системы производства просто непосильны для частных фирм. Имеется предел и их заинтересованности в распространении научных знаний: частная собственность всегда порождает желание сохранить свое ноу-хау.

Отмеченные недостатки системы производства при социализме достаточно хорошо известны. Однако ситуация меняется. Появилась методика расчета больших данных, стали использоваться искусственные интеллектуальные системы, что открывает новые возможности планирования производства в масштабах всего общества. Развитие процессов автоматизации в принципе позволяет создавать резервные мощности, которые легко могут быть запущены по команде управляющих органов для производства необходимого продукта, что позволит легко преодолеть какие-то несогласования, возникшие при планировании. Следует также отметить, что современное капиталистическое производство уже давно не регулируется простым переливом капитала в те отрасли производства, где на данный момент можно получить большую прибыль. Причина заключается именно в наукоемкости современного производства, перспективном планировании приоритетов в развитии самого научного знания.

Но нуждаются в проработке и новые модели социальной организации общества. Общество пока решает проблемы, связанные с перспективным планированием, определением приоритетов в развитии научного знания, скорее эмпирически, чем пользуясь какой-то разработанной научной концепцией. Но возникновение такой концепции в будущем представляется нам неизбежным. В ее основу, как нам кажется, может быть положен принцип дополнительности. В соответствии с ним соотношение рыночных и плановых начал должно быть организовано так, чтобы они могли существовать, не ограничивая друг друга, чтобы прогресс, обеспечиваемый на базе одних стимулов труда, не ограничивал другие. Например, можно предположить проведение планового начала через сеть мощных инновационных фирм, работающих под контролем госу-

дарства и предлагающих на рынок труда и капитала новые идеи как обычный коммерческий продукт, обеспечиваемый льготным кредитом, но преимущественно не внедряемый за счет прямых государственных инвестиций. Это, полагаю, позволило бы расширить скорости развития наукоемких технологий и в то же время сдерживало бы инфляционные процессы, связанные с вкладыванием денег в проекты, не обещающие быстрого практического эффекта.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
- Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство // Новый мир. 1990. № 8. С. 175–212.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Тов-во научных изданий КМК, 2008.
- Гринин Л. Е. Лекция: Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4 (64). С. 175–193.
- Зиновьев А. А. Логическая социология. М. : Социум, 2002.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ: АСТ Москва; Хранитель, 2007.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М. : АСТ, 2006.
- Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ: АСТ Москва, 2008.